
В. И. ПАНТИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ РОССИИ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

В статье рассматривается историческая роль России с точки зрения социоестественной истории и цивилизационного подхода. Главная идея заключается в том, что Россия находится между Западом и Востоком не только с географической, но и с политической, социальной и культурной точек зрения. Это важное обстоятельство определяет посредническую позицию России, ее роль промежуточной цивилизации. Автор доказывает, что многие особенности развития России связаны с этой позицией. Среди таких особенностей, например: сложные изменчивые отношения России с западными и восточными странами, ее особая роль в Мир-Системе, а также внутренние социально-культурные расколы в российском обществе. В статье приводятся данные различных социологических исследований, анализирующих позицию России в современном мире. Эти данные демонстрируют, что большинство россиян воспринимают свою страну как особое евроазиатское государство, которое во многом отличается от западных стран.

Ключевые слова: историческая роль, мир-система, промежуточная цивилизация, система ценностей, социально-культурные расколы, российское массовое сознание.

Постановка проблемы

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть не вымышленную, а реальную, обусловленную природными, ценностными, культурными и этническими факторами историческую роль, которую играла и продолжает играть Россия в мире. При этом речь идет именно о действительной, а не выдуманной теме или иными идеологами исторической роли и судьбе России. Для большинства концепций, рассматривающих историческую роль России в мире – и советских, и имперских, и либерально-западнических, и евразийских, – характерна определенная идеологическая заданность и связанная с этим частичность, односторонность. Идеологизированные взгляды на роль и место России в мире абсолютизируют отдельные стороны ее исторического развития, в результате чего неизбежно

возникает искаженная картина, на основе которой строятся те или иные политические концепции и стратегии. По возможности многосторонний, целостный, сбалансированный и учитывающий принципы социоестественной истории (Кульпин, Пантин 1993; Кульпин 1995; 1996; 2001) подход к пониманию исторической роли России в мире должен принимать во внимание всю сложность и противоречивость реального природно-географического, геополитического и культурно-цивилизационного положения нашей страны, а также особенности ценностных ориентаций российского суперэтноса в ряду других стран и цивилизаций. В этой связи полезно вспомнить идею, высказанную еще П. Я. Чаадаевым (1989: 145–148), который одним из первых констатировал то принципиально важное обстоятельство, что в географическом, геополитическом и культурно-цивилизационном отношении Россия занимает промежуточное положение между Западом и Востоком, между западноевропейской цивилизацией, с одной стороны, и исламской, конфуцианской, индуистской цивилизациями – с другой. По самому своему генезису и развитию Россия является славяно-тюркской цивилизацией с включением финно-угорского и других этнических и культурных элементов, принадлежащих Западу или Востоку. Важно также отметить, что Россия возникла на 500–600 лет позже, чем западноевропейская цивилизация, и ритмы развития России в силу сурового климата и сложных условий ведения сельского хозяйства являются замедленными по сравнению с Западной Европой.

Иногда говорят и пишут, что Россия является или может стать «дочерней» цивилизацией по отношению к цивилизации европейской, подобно тому, как такими «дочерними» цивилизациями стали североамериканская (США) и латиноамериканская (Липкин 2007: 51). Среди отечественных интеллектуалов также широко распространены утверждения о необходимости обретения «европейской» или «западной» идентичности России (см., например: Ахиезер и др. 2008: 449–458). Однако при этом вольно или невольно упускается из виду, что Россия по своему генезису является «дочерней» цивилизацией не только по отношению к западноевропейской, но и по отношению к византийской цивилизации и Золотой Орде. Неслучайно кроме элементов «европейской» идентичности в России традиционно присутствуют и элементы «азиатской», а также «евроазиатской» идентичности, которая связана с существенными

отличиями системы ценностей российского суперэтноса от систем ценностей западноевропейских стран (Кульпин 1995; Кульпин и др. 2005). Уже сам факт такой многообразной и разноплановой «удочеренности» и идентичности наводит на мысль о сложной, противоречивой и промежуточной цивилизационной природе России.

То обстоятельство, что Россия является «промежуточной» между Западом и Востоком цивилизацией, в настоящее время признается многими крупными российскими и зарубежными философами, историками, культурологами. Так, А. Дж. Тойнби писал об истории России как истории ее столкновений то с Западом, то с Востоком. В своей работе «Мир и Запад» он, в частности, отмечал: «Хотя русские были христианами, а многие и сейчас ими остаются, они никогда не принадлежали к западному христианству. Россия была обращена в христианство не Римом, как, например, Англия, а Константинополем; несмотря на их общие христианские корни, восточноправославное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны... Отчуждение началось в XIII веке, после нашествия татар на Русь. Татарское иго продолжалось недолго, ибо татары были степными кочевниками и не могли укорениться в русских лесах и полях. В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси для того, чтобы отрезать от нее и присоединить к западнокатолическому миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках. ...За последние несколько веков угроза России со стороны Запада, ставшая с XIII века хронической, только усиливалась с развитием на Западе технической революции, и следует признать, что однажды разразившись, эта революция не проявляет до сих пор никаких признаков спада» (Тойнби 1996: 157–158). Выдающийся французский историк Ф. Бродель, говоря о России, отмечал, что «она имела единственно тенденцию организоваться в стороне от Европы, как самостоятельный мир-экономика со своей собственной сетью связей» (Бродель 1992: 455).

Чрезвычайно важной, дающей ключ к пониманию истории и современного положения России является мысль русского историка

и богослова Г. В. Флоровского о том, что «в народно-государственном теле России имеются островки и оазисы и Европы, и Азии», существующие не в качестве «колониальных придатков», но как «живые члены единого тела» (Флоровский 1991: 206–207). Иными словами, разделить западные и восточные черты, сочетание и взаимодействие которых естественно и органично присуще России, невозможно. Выдающийся российский философ А. С. Панарин указывал на промежуточное положение российской цивилизации как на причину одновременно и ее силы, и ее слабости: «Наряду с этим имеется, на наш взгляд, и еще одна общая причина слабости цивилизационных оснований в России. Она касается ее промежуточного цивилизационного положения между Востоком и Западом, Севером и Югом... Этот протезизм русской культуры, ее готовность перевоплощаться, осваивать иные культурные модели, делая их своими, бесспорно связана с промежуточным цивилизационным положением России. Соседствуя с разными цивилизациями, воплощая и примиряя гетерогенные культурные начала, нельзя сохранять ортодоксальность и герметичность духа: приходится быть открытым. Обратной стороной этой открытости является хрупкость и проблематичность норм, готовность их сменить, нередко на противоположные. Русскому народу приходилось решать задачи, требующие особой стратегии. Цивилизационная промежуточность требовала универсалистской восприимчивости, тяготы пространства и времени, истории и географии требовали нередко предельной мобилизации духа, способности справиться и с вызовами сурового климата, и с вызовами воинственных соседей» (Панарин 1995: 27–28).

Александр Мень, отвечая на вопросы о борьбе между современными славянофилами и западниками и о назначении России, также исходил из промежуточного положения России между Востоком и Западом: «В культуре, которая находится на рубеже Европы и Азии, всегда неизменно и неизбежно будет стоять вопрос: что же это за культура, европейская или азиатская? Или что-то третье? Пушкин, Толстой, Достоевский – европейские писатели, в России – европейская культура, с другой стороны, это и что-то другое, специфическое... А назначение России, русских – это совершенно особая тема. Я думаю, что это назначение весьма серьезное и глубокое, потому что это связано с историческим положением нашей страны между Востоком и Западом. Ценности Востока и Запада

всегда противостояли друг другу, и их возможное пересечение и синтез определяют во многом историческую миссию России» (Мень 2004: 143–144). Подчеркнем, что в отличие от многих современных либеральных авторов, безапелляционно заявляющих, что Россия должна быть исключительно европейской, западной страной, Александр Мень видел всю сложность проблемы. Культура России – европейская, но одновременно и иная, специфическая. Стоит также запомнить слова Александра Менья о «серьезном и глубоком» назначении России и русских, о том, что в России возможны «пересечение и синтез» полярно противоположных, противостоящих друг другу ценностей Востока и Запада.

Массовое сознание о роли и положении России в мире

Вместе с тем самое существенное и важное состоит в том, что «промежуточное», «пограничное» между Западом и Востоком, между Европой и Азией положение России четко улавливается не только отдельными мыслителями, но и массовым российским сознанием, причем осознание «особости», специфичности своего развития характерно для большинства современных россиян независимо от возраста, профессии и политических взглядов. Ниже приведена лишь небольшая часть социологических данных, свидетельствующих о популярности представлений об особом пути развития России в массовом сознании.

Так, по данным всероссийского опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 1999 г., большинство респондентов (60 %) считали, что по своим традициям и культуре Россия представляет собой особую страну, не похожую ни на Европу, ни на Азию; при этом еще 23 % опрошенных полагали, что Россия сочетает в себе черты Европы и Азии (Фонд... 1999).

В рамках опроса, проведенного ВЦИОМ в 2000 г., ответы на вопрос «На чей опыт стоит скорее ориентироваться при продолжении реформ в России?» распределились следующим образом: на опыт США, стран Западной Европы – 14 %, на опыт развитых стран третьего мира (Южная Корея и др.) – 3 %, на опыт коммунистического Китая – 7 %, не следовать чужим образцам, а глубоко изучать исторический опыт России, следовать ее традициям и особенностям – 63 %, затруднились ответить – 13 % (Общественное... 2002: 157).

По данным опроса, проведенного Левада-Центром в 2003 г., только 12 % респондентов считали, что Россия – часть Запада и она должна стремиться к сближению со странами Европы и США, в то время как 76 % опрошенных полагали, что Россия – евразийское государство, у нее свой путь развития (еще 6 % респондентов считали, что Россия – восточная страна, она должна ориентироваться на сотрудничество со странами Азии, и остальные 6 % опрошенных затруднились ответить) (Дубин 2004: 25). Почти такие же результаты были получены Левада-Центром и в 2007 г.: 74 % опрошенных считали, что Россия – это евразийское государство, у которого собственный исторический путь развития, 11 % респондентов полагали, что Россия – это часть Запада, и 7 % были согласны с тем, что Россия – восточная страна, она должна ориентироваться на сотрудничество со своими соседями в Азии, остальные 8 % опрошенных затруднились с ответом (Левада-Центр 2007). При этом необходимо подчеркнуть, что приведенные результаты вовсе не означают, что большинство россиян являются «евразийцами». Сам термин «евразийское государство» был навязан респондентам социологами; если бы они заменили этот термин на «евроазиатское государство» или на «европейско-азиатское государство», результаты опроса были бы аналогичными, поскольку массовое сознание не различает «евразийское» и «евроазиатское».

Согласно данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2005 г., на вопрос «Если оценивать жителей Западной Европы и россиян, то как Вы считаете, культура и ценности европейцев и россиян различаются значительно, незначительно или не различаются совсем?» были получены следующие ответы. «Не различаются» ответили всего 5 % респондентов, «различаются незначительно» – 21 % и «различаются значительно» – 63 % (еще 11 % опрошенных затруднились с ответом) (Фонд... 2005). Иными словами, большинство россиян считают, что культура, ценности и интересы западных стран и России существенно расходятся.

В мае 2011 г. Левада-Центр в ходе очередного всероссийского опроса задал респондентам следующий вопрос: «Как Вы считаете, в какой мере для России подходит “западный” (то есть западноевропейский, американский) вариант общественного устройства?» Ответы на этот вопрос, которые включали согласие опрошенных

россиян с различными развернутыми утверждениями, распределились следующим образом: 1) «Это универсальный образец общественного устройства, который целиком подходит для российских условий» – с таким утверждением согласились 7 % опрошенных; 2) «Тот образец общественного устройства, который можно приспособить для российских условий» – ответили 20 % респондентов; 3) «Не вполне подходит для российских условий, вряд ли может прижиться в России» – ответили 31 % опрошенных; 4) «Совершенно не подходит для российских условий, противоречит укладу жизни русского народа» – ответили 35 % респондентов, и еще 7 % опрошенных затруднились ответить (Левада-Центр 2011). Такое распределение ответов на этот вопрос мало меняется с 2000 г., когда он впервые задавался, что свидетельствует об устойчивости представлений о применимости «западного» варианта общественного устройства для российских условий и для самих россиян.

Таким образом, представления большинства россиян об отличиях России от Запада, о ее специфическом цивилизационном и геополитическом положении устойчиво воспроизводятся в массовом сознании и по меньшей мере требуют, чтобы с ними считались политики, государственные деятели, экономисты, философы, ученые-исследователи. Разумеется, в каждом обществе в той или иной мере распространены представления о собственной исключительности, об уникальности своего пути развития, о своей культурной специфике и т. п. Подобные представления в разных формах существуют и в США, и в странах Западной Европы, и в Японии, и в Китае, и в Индии, и во многих других странах (что, кстати говоря, не мешает этим странам успешно развиваться). Но специфика России по сравнению с перечисленными странами состоит прежде всего в том, что российский суперэтнос своеобразно сочетает в себе черты Запада и Востока, Европы и Азии; подобное сочетание является по-своему уникальным и выражается как в системе ценностей, так и в многочисленных расколах и размежеваниях, характерных для российского общества.

Подчеркнем, что понимание «промежуточного» и «пограничного» положения России по отношению как к Западу, так и к Востоку существенно отличается от некоторых широко распространенных версий «евразийства» (например, в трактовке А. Дугина). Согласно этим версиям Россия противопоставляется как Европе,

так и Азии, получается, что Россия – это **не** Европа и **не** Азия, а что-то третье – Евразия. В «евразийском соблазне» содержится скрытое стремление завоевать весь материк Евразия, а затем и весь мир, – недаром многие идеологи евразийства, жившие в 1920–1930-е гг. за рубежом, поддерживали советскую власть, которая хотела утвердиться во всем мире. К чему привело такое стремление, хорошо известно – к тому, что Россия растратила свои огромные человеческие и природные ресурсы, надломилась и чуть было не растворилась в «советской» Евразии. Между тем «промежуточность», «пограничность» на деле означает, что в российской культуре, в российском обществе и государстве присутствуют **и** черты Европы (Запада), **и** черты Азии (Востока), причем они настолько тесно переплетены, что не поддаются разделению. В радикальной евразийской трактовке все российское чуждо и европейскому, и азиатскому, что совершенно не соответствует «всемирной», «всечеловеческой» отзывчивости русской, российской культуры, о которой писал Достоевский. Если же Россия – это и Европа, и Азия, то российское своеобразно объединяет, синтезирует в себе и европейское, и азиатское, хотя и не является простой суммой того и другого. Представление о «промежуточном» географическом, культурном, геополитическом, геоэкономическом положении России между Западом и Востоком позволяет понять сложность и противоречивость духовного и социального развития России, присутствие и столкновение разных тенденций во всей российской истории.

Какие дополнительные аргументы подтверждают особое, промежуточное между Востоком и Западом положение России? Во-первых, все попытки сделать из России чисто «западную» или чисто «восточную» страну неизменно проваливались. Ни попытки Ивана Грозного сделать из России некое подобие Золотой Орды или Османской империи, ни попытки Петра I, Александра I, либералов начала XX в. или номенклатурных либерал-реформаторов конца этого же века сделать из России подобие европейского или североамериканского государства не увенчались успехом, а породили неизбежную реакцию. Во-вторых, об этом же свидетельствуют многократные повороты России то к Западу, то к Востоку, своеобразные «циклы» ее западно-восточной ориентации (Панарин 1995: 28). Иными словами, своеобразие и специфика России как по сравнению с Западом, так и по сравнению с Востоком видны

всюду – было бы желание их разглядеть. Другое дело, что «промежуточность» положения России – это не только и не столько преимущество, сколько тяжкое бремя, источник множества проблем и противоречий.

Следствия промежуточного положения России

Важно, однако, не просто понять геополитическое и культурно-цивилизационное положение России как промежуточное, пограничное между Западом и Востоком, но и использовать это понимание как **эвристический принцип**, как инструмент для исследования и объяснения истории России, осмысления ее настоящего и прогнозирования будущего. Представляется, что отмеченная «промежуточность», «пограничность» дает очень много и для понимания истории России, и для прогнозирования ее будущего. Ниже кратко рассмотрены некоторые важные следствия из принципа геополитической и культурно-цивилизационной промежуточности.

Во-первых, становится понятным положение России в системе мировых центров политической и экономической силы. Неслучайно на протяжении последних нескольких веков Россия играла роль самостоятельного мирового центра политической и экономической силы, равно удаленного от остальных мировых центров Запада и Востока – Великобритании, Франции, Германии, США, Японии, Китая, Индии – и в то же время равно приближенного к ним. В мировой политике Россия более или менее удачно играла роль противовеса по отношению к стремившимся в разное время к европейскому (или мировому) господству Швеции, Пруссии (при Фридрихе Великом), Франции, Германии, Японии, США. Так, в начале XVIII в. Россия в ходе Северной войны способствовала ликвидации имперских притязаний Швеции, долгое время терроризировавшей Центральную и Восточную Европу, а в середине XVIII в. остановила Фридриха Великого, стремившегося завоевать Европу. В начале XIX в. в ходе наполеоновских войн Россия в союзе с Великобританией и Пруссией добилась ликвидации имперских притязаний Франции на завоевание всей Европы; при этом Россия сыграла решающую роль в разгроме Наполеона. В середине XX в. в результате Второй мировой войны Советский Союз в союзе с США и Великобританией добился ликвидации имперских притязаний Германии, Италии и Японии, устранения смертельной для человечества

угрозы фашизма в его национал-социалистическом варианте. В начале XXI в. Россия, хотя и не слишком успешно, пытается ограничить неоимперские притязания США на абсолютное доминирование в мире, притязания, чреватые тяжелыми последствиями как для самих Соединенных Штатов (в случае окончательного превращения США в «мирового жандарма»), так и для всей международной политической и экономической системы.

При этом важно отметить, что всякий раз наиболее развитый и могущественный центр-лидер (в XVIII–XIX вв. мировым лидером была Великобритания, в XX в. и в начале XXI в. – США) был не в состоянии самостоятельно ликвидировать эти периодически возникавшие элементы имперской несовременности, которые препятствовали мировому развитию, и ему нужна была сильная военная и политическая поддержка, которую оказывала Россия. Интересно также, что без участия России, которая одновременно играла роль и европейской, и неевропейской державы, сама Европа не могла разобраться со своими «внутренними» проблемами. Даже сейчас, несмотря на потерю российским государством многих важных позиций, без поддержки или хотя бы нейтралитета России борьба США и других стран с «международным терроризмом», а также с хаосом в международных отношениях не может быть успешной и эффективной.

В будущем очень важно, чтобы Россия смогла сыграть подобную роль противовеса и по отношению к вполне возможным великодержавным, гегемонистским устремлениям Китая. Таким образом, в мировой истории Россия, часто не сознавая этого, более или менее последовательно позиционировала себя как особое цивилизационное образование между Западом и Востоком, не изолировавшееся при этом ни от Запада, ни от Востока. На деле России так же нужны Европа и США, как Европе и Соединенным Штатам нужна Россия. Чрезвычайно опасные иллюзии, распространенные на Западе, состоят в том, что Европа или США смогут обойтись без сильной и самостоятельной России. Эти иллюзии, свойственные и некоторым восточноевропейским «друзьям» России, игнорируют тот факт, что исламизированная Европа и мексиканизированные США без России в перспективе станут легкой добычей Востока. В свое время Европа, нанеся удар в спину Византии, которая прикрывала ее от арабов и турок, столкнулась с гораздо более аг-

рессивной Османской империей, завоевавшей треть Европы. Тогда Европу спас демографический подъем и техническое превосходство над странами Востока. Но сейчас Европа и США в демографическом плане находятся отнюдь не на подъеме, а что касается техники, то на пятки им наступают Япония, Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, некоторые исламские государства. Огромные природные и военные ресурсы России в случае ее распада, скорее всего, достанутся не Западу, а Востоку, прежде всего Китаю и радикальным исламистам. В этих условиях падение России, о котором грезят некоторые западные и отечественные теоретики, неизбежно приведет в дальнейшем к падению Запада.

Во-вторых, проясняется историческая роль России, вытекающая из ее «промежуточного», «пограничного» между Западом и Востоком положения, а также преемственность развития «промежуточных» цивилизаций. Как известно, само разделение на Запад и Восток является достаточно устойчивым, воспроизводимым в разных формах на протяжении последних двух с половиной тысяч лет (Кульпин 1996). Однако, как показывает история, и Восток, и Запад по отдельности и даже вместе взятые не способны обеспечить гармоничное и целостное развитие человечества в силу своей односторонности и неполноты. Как писал еще Р. Киплинг, «...о, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд». А между тем человечество все же едино, и все процессы в мире взаимосвязаны. Запад и Восток очень часто не слышат и не понимают друг друга: отсюда периодически происходящие непримиримые конфликты и столкновения между ними. Как ни парадоксально это выглядит, и Запад, и Восток на всем протяжении своей истории нуждались и продолжают нуждаться в своеобразном посреднике — промежуточной между ними культуре и цивилизации. Россия — не первая «промежуточная» между Западом и Востоком цивилизация. К числу подобных относились, например, Древняя Греция и Византия. Эти «промежуточные», находящиеся между Западом и Востоком цивилизации сыграли большую роль в мировой истории, в развитии мировой культуры, что указывает на оправданность и необходимость существования цивилизаций такого типа, сочетающих в себе разные черты и стремящихся сбалансировать односторонности развития и Запада, и Востока.

Если относительно Византии это более или менее очевидно (еще А. Дж. Тойнби писал о «византийском наследии России»), то относительно Древней Греции нередко бытует мнение, что она была Западом, его началом. В известной степени это соответствует действительности, поскольку в Греции из-за особенностей сурового каменистого ландшафта возникли не восточные царства, а множество полисов (Кульпин 1996). В Древней Греции действительно впервые возникли элементы западной ментальности и западной системы ценностей. Но следует учитывать, что города-государства, предшественники древнегреческих полисов, возникли на Востоке – в Междуречье Тигра и Евфрата. Кроме того, Древняя Греция в культурном, а не политическом плане была ближе к Востоку, хотя и отличалась от него многими элементами. Как известно, в культурном плане Греция многое заимствовала у Египта, Крито-минойской культуры, финикийцев, Персии, но восточные и западные элементы, культура и политика органично уживались в древнегреческих полисах. Греция была органичным элементом средиземноморского мира, в котором встречались Восток и Запад, а в культуре Древней Греции органично сочетались восточные и западные черты.

На деле «чистым» Западом в полном смысле этого слова был Древний Рим, основанный еще в VIII в. до н. э., то есть в эпоху подъема Древней Греции, и многое унаследовавший от этрусков, обитавших в Италии еще раньше. Рим развивался во многом параллельно с Грецией, но по иному пути. Именно Рим с его односторонней правовой и политической ориентацией, с его римским правом, римским гражданством, римским владычеством, с его стремлением к универсальности и нивелировке различий между разными культурами заложил основания Запада и западной цивилизации. Именно Рим задолго до Бисмарка объединял народы «железом и кровью», а его империя, в отличие от восточной деспотии с ее личными отношениями и служением владыке как личности, представляла собой безличную, рационально построенную государственную машину, гигантский механизм, в котором люди служили Риму, а не той или иной личности. Это была гигантская машина, предназначенная для «разделения и властвования» во имя насильственного объединения и подавления всех несогласных и недо-

вольных. Современный Запад многое воспринял от Рима и не скрывает этого (достаточно почитать отцов-основателей США): отсюда, в частности, присущее западному человеку формальное понимание свободы, равенства, прав человека. Древнегреческий же полис вовсе не был машиной для «разделения и властвования», различия между полисами (например, между Афинами и Спартой) не нивелировались, а устойчиво воспроизводились. Даже империя Александра Македонского, возникшая на закате эллинского мира, и образовавшиеся после ее распада эллинистические государства своеобразно сочетали в себе черты восточной деспотии и западной империи, причем элементов восточной деспотии было больше. Культура этих эллинистических государств была синкретической, это был сплав эллинской и восточных культур (Дройзен 1995: 20–63). Важно также подчеркнуть, что наряду с рационализмом древним грекам были присущи ярко выраженные философское, научное и эстетическое начала, почти полностью отсутствовавшие у римлян. Недаром римляне по сравнению с греками в области искусства, науки и философии выглядят удивительно бедными, убогими и почти полностью подражательными.

Россия немало восприняла и от древнегреческой, и от византийской цивилизации, в известном смысле являясь их наследницей, хотя еще большую роль в ее становлении сыграла Золотая Орда. От «промежуточных» цивилизаций Древней Греции и Византии Россия унаследовала стремление к соединению разных полюсов (прежде всего Востока и Запада), широту культуры, вмещающей самые различные, даже противоречащие друг другу начала. Это стремление к совмещению несовместимого само по себе отнюдь не является несомненным благом, скорее наоборот: оно нередко приводило Россию (как, впрочем, и древнегреческие полисы, и Византийскую империю) к неорганичности и непоследовательности политического и экономического развития, к метаниям из крайности в крайность, к многочисленным расколам, смутам, внутренним распрям. Однако для духовного творчества подобная широта и способность включать в себя противоположные начала в целом скорее благотворна, она не дает закоснеть и омертветь культуре, не дает ей превратиться в чисто материалистическую цивилизацию. Как бы то ни было, с судьбой не поспоришь: Россия, возможно, и хотела бы на радость либералам-западникам стать только Западом, но ее собст-

венная природа всячески этому противится. Уже поэтому все попытки сделать Россию «чисто западной» или «чисто восточной» страной ведут главным образом к деструктивным последствиям.

Справедливо гордясь своим динамизмом, своими техническими и технологическими достижениями, Запад периодически впадает в состояние самодовольства, сознания своей исключительности и вседозволенности. У Запада есть собственная важная историческая роль в мире, состоящая в индивидуализации человеческого общества, в формировании личности и личностного начала, в развитии всех сил и способностей человека, наконец, в первоначальном («материально-техническом») объединении разных народов. Однако благодаря односторонности, присущей Западу, эта индивидуализация, это развитие и это объединение лишены духовного начала, поэтому они нередко приобретают разрушительные формы, грозя уничтожить человека духовно и физически.

Отсюда и возникает необходимость в существовании «промежуточной цивилизации», дополняющей неполноту, свойственную и Востоку, и Западу. После окончательного исчезновения Древней Греции в начале I тысячелетия н. э. ее роль унаследовала Византия, после гибели Византии в XV в., в свою очередь, роль «промежуточной цивилизации» переняла Россия. Некоторое время на эту роль претендовали сначала Монгольская, а затем Османская империи, но они были слишком близки Востоку и представляли собой непрочные государственные образования, объединявшие самые различные, слабо связанные друг с другом народы и культуры. Других претендентов на роль «промежуточной цивилизации», кроме России, в XVII–XX вв. в мире фактически не было. Хорошо ли, плохо ли, но эта роль досталась именно России.

Итак, историческая роль и историческая задача (точнее, сверхзадача) России состоит в том, чтобы по возможности не допускать опасной и губительной для всего человечества односторонности, которую несет с собой как господство Запада, так и господство Востока, способствовать более многостороннему, более полному и целостному развитию мира. Эта роль в современном мире по мере интенсификации и глобализации информационного, экономического, политического и культурного взаимодействия между разными странами, по мере усиления опасности «столкновения цивилизаций» становится все более важной и актуальной.

Проблема, однако, заключается в том, что историческая задача исправления или восполнения односторонности развития Запада и Востока является чрезвычайно сложной, она требует огромных сил, ресурсов, гибкости, широты мышления и действия. Судьба «промежуточной» цивилизации всегда сложна и драматична. Она не обладает неколебимой уверенностью в своей правоте, присущей цивилизациям Запада, и потому в «промежуточной» цивилизации так часто возникают глубокие расколы и смуты. С другой стороны, «промежуточная» цивилизация не имеет столь прочной традиции и духовной основы, как цивилизации Востока, отсюда метания из крайности в крайность, резкие колебания в развитии. К тому же здесь велик соблазн впасть в различного рода искушения: подменить многообразие общения разных народов империей, социальную справедливость – уравниловкой, подлинную веру – революционной идеологией. Более того, вместо решения труднейшей задачи восполнения односторонности Востока и Запада велика вероятность вообще стать никем – ни Востоком, ни Западом, попросту недоразвиться до них. Такая опасность для «промежуточной цивилизации» существует всегда, но особенно велика она для России в силу непрочности и неукорененности в ней некоторых важных основ культуры и цивилизации. Однако и предшествующие «промежуточные» цивилизации неоднократно испытывали процессы глубокой деградации, частичной или полной потери своей культуры – достаточно вспомнить периоды смуты, междоусобиц и резни в древнегреческих полисах (особенно разрушительной оказалась длительная война между Афинами и Спартой, которая привела в итоге к деградации основ эллинской государственности и культуры) или же период нравственного упадка и разложения поздней Византии.

Наконец, в-третьих, более понятными становятся судьба и роль российской культуры, а также своеобразные механизмы ее колебаний и циклов. Казалось бы, из-за отмеченной выше непрочности культурных и цивилизационных оснований многократно возникавшие смуты и расколы должны были уже не раз уничтожить Россию и российскую культуру. Однако в России вслед за периодически возникающими смутами, междоусобицами, раздорами, ведущими к упадку, неожиданно, как цветы на пепелище, рождаются новые таланты и гении. В творчестве этих гениев с удивительной

силой ощущается стремление к духовной гармонии, к преодолению частичности и неполноты существования. После самого тяжелого периода бесконечных раздоров между князьями начинает творить Андрей Рублев. После эпохи дворцовых переворотов XVIII в. и пугачевщины рождается Пушкин. После эпохи царствования Николая I во всю силу проявляется гений Льва Толстого, Федора Достоевского и Владимира Соловьева. После кровавой Гражданской войны в России творят Ахматова, Пастернак, Булгаков, Прокофьев, Шостакович. После сталинского геноцида и тотального террора появляются Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Андрей Тарковский. Но гений рождается всякий раз не на пустом месте, он использует творческие поиски и достижения многих менее крупных талантов. Российский гений учится и у своих соотечественников, и у Запада, и у Востока, создавая нечто новое, неповторимое.

Вместе с тем здесь следует сказать несколько слов и о характере русского, российского человека. Помимо традиционного метания из крайности в крайность русскому человеку присуща душевная широта, которая, как правило, не характерна ни для западного, ни для восточного человека. Сама по себе эта широта не является абсолютным благом, она нередко приводит к кризису и надлому. Поэтому здесь «широта души» рассматривается нейтрально, безоценочно, просто как определенная черта и особенность русского человека. При этом следует признать, что «средний» русский человек нередко бывает более безобразным и даже более подлым, чем «средний» европейский, американский или азиатский человек, которого жестко удерживают от падения впитанные им цивилизационные нормы или традиции. Но, в отличие от западного и даже восточного человека, русский человек не умеет столь искусно украшать свое безобразие и потому инстинктивно чувствует его. Так, в советские времена многие люди ощущали ненормальность и уродливость происходящего, отсюда чувство вины, иногда перераставшее в ненависть по отношению к собственному государству и обществу.

В XX и особенно в начале XXI в. процессы духовной и социальной деградации в России резко усилились, что, в частности, получило свое выражение в очередном бесплодном и разрушительном противостоянии власти и интеллигенции, в идеологизации или коммерциализации культуры (одно ничем не лучше другого), в це-

ленаправленном разрушении системы образования, науки, культуры, в засорении и деградации русского языка, который сам по себе является реальным воплощением синтеза Запада и Востока. Все сложное начинает упрощаться и примитивизироваться, всякое творчество, требующее для своего восприятия хоть какого-то напряжения, вытесняется из массовой культуры, которая весьма агрессивно претендует на полную монополию в мире. Но процессы деградации, идущие в России, во многом являются лишь отражением процессов духовной деградации, протекающих и на Западе, и на Востоке. По свидетельству многих исследователей, ценностное ядро и западных (европейской и североамериканской), и восточных цивилизаций постепенно размывается, что может быть временным явлением, а может и привести человечество к полной духовной катастрофе.

Какие же выводы следуют из всего сказанного? Во-первых, все попытки искусственно или насильно «загнать» Россию в рамки чисто западной (европейской) или чисто восточной (азиатской) культуры и цивилизации не только не плодотворны, но и опасны, поскольку они разрушают саму основу российского общества, разрывают саму «ткань» российской культуры. Небезопасны подобные попытки и для мира в целом, так как ни одно государство, кроме России, пока не способно взять на себя функции восприятия и синтеза различных ценностей, недопущения прямого столкновения Запада и Востока, столкновения различных культур, цивилизаций и ценностей. Во-вторых, на вопрос «Россия – это Европа или не Европа?» адекватным и содержательным является следующий ответ: **Россия – это также и Европа, но не только Европа** (в этом смысле часто встречающееся утверждение о том, что Россия принадлежит к европейской культуре и цивилизации, верно лишь отчасти). Аналогично дело обстоит и с ответом на вопрос «Россия – это Азия или не Азия?». В-третьих, популярная ныне среди «патриотов» трактовка России как евразийской державы также не является точной, более того, такая трактовка сбивает с толку, поскольку Россия – это не континент Евразия, а промежуточная, переходная между Западом и Востоком, между Европой и Азией цивилизация. Правильнее было бы, как отмечалось выше, называть Россию **евроазиатским** государством и обществом, сочетающим в себе чер-

ты как Европы, так и Азии. В-четвертых, особенности развития у России по сравнению со многими другими государствами действительно есть, они выражены сильнее, чем у многих чисто европейских или чисто азиатских государств, потому и многие проблемы, стоящие перед Россией, сложнее, чем у других стран. Для решения этих проблем необходимы понимание и терпение, которых часто не хватает ни российской интеллигенции, ни российской власти. Нужен новый «общественный договор» между властью и народом, но не такой, как на Западе, а сочетающий в себе западные и восточные начала и ценности. Наконец, в-пятых, историческая роль России – это не миф, хотя в теме «русской идеи» и «миссии России» содержится немало мифотворчества. Историческая роль и задача России состояла и состоит в том, чтобы восполнять одно-сторонности, присущие как Западу, так и Востоку, смягчать их, предотвращая столкновение цивилизаций. Россия, по выражению М. Гефтера, – это «мир миров», она содержит в себе множество этносов, культур, систем ценностей. Россия сильно зависит и от Запада, и от Востока, она многое воспринимает от них, но и стабильность мира во многом зависит от России, причем в самом прямом смысле слова: не будь России, мы бы уже имели Третью мировую войну после очередной агрессии США, например, в отношении Ирана или Китая. Историческая роль России очень тяжела, Россию периодически лихорадит, в ней постоянно возникают расколы и смуты, и она далеко не идеально справляется со своей исторической задачей, но пока лучшего инструмента разрешения межцивилизационных конфликтов в мире нет.

В условиях глобальных финансово-экономических кризисов России нужна не неолиберальная экономическая политика, а сочетание государственной неокейнсианской политики и постепенного развития малого и среднего бизнеса. Для этого требуется новый «общественный договор» между большинством российского населения, включая его наиболее активные слои, и государственной властью во главе с сильным политическим лидером. Некоторые условия для такого нового «общественного договора» пусть медленно, но формируются. Важно, однако, чтобы эти предпосылки нового общественного согласия не были разрушены очередной Смутой или радикальной революцией.

Завершая данную работу, следует признать, что на протяжении последних ста лет и власть, и большая часть интеллигенции в России довольно плохо и непоследовательно выполняли свою историческую задачу гармонизации отношений между восточными и западными культурами, свою функцию дополнения и обогащения односторонних начал Запада и Востока. В то же время отдельные представители российской интеллигенции (например, Федор Достоевский, Владимир Соловьев, Николай Рерих) сделали в этом направлении удивительно много, а их творчество настолько ценно и плодотворно, что искупает многие грехи России и оправдывает смысл ее существования. Российская власть и большинство российской интеллигенции часто идут за односторонними идеологиями, которыми их щедро одаривают западные интеллектуалы, будь то коммунизм, неолиберализм, национал-социализм, неоконсерватизм, постмодернизм или какой-нибудь другой «изм». В результате неизбежно возникают и воспроизводятся глубокие расколы в обществе, проявляющиеся в метаниях из крайности в крайность, в раскачивании «маятника» российских смут и революций. Между тем выход для России не в них, а в осознании своего сложного, промежуточного между Востоком и Западом положения и в выполнении своей трудной исторической роли.

Литература

Ахиезер, А., Клямкин, И., Яковенко, И. 2008. *История России: конец или новое начало?* М.: Новое издательство.

Бродель, Ф. 1992. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.* Т. 3. М.: Прогресс.

Дройзен, И. 1995. *История эллинизма:* в 3 т. Т. 3. Ростов н/Д.: Феникс.

Дубин, Б. 2004. К вопросу о выборе пути: Элиты, масса, институты в России и Восточной Европе 1990-х годов. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии* 6: 21–28.

Кульпин, Э. С.

1995. *Путь России.* М.: Московский лицей.

1996. *Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю.* М.: Московский лицей.

2001. *Русь между Западом и Востоком.* М.: Институт востоковедения РАН.

Кульпин, Э. С., Пантин, В. И. 1993. *Генезис кризисов природы и общества в России*. Вып. 1. *Решающий опыт*. М.: Институт востоковедения РАН.

Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М. 2005. *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ «Энергия».

Левада-Центр

2007. URL: <http://www.levada.ru/press/2007072302.html>

2011. URL: <http://old.levada.ru/press/2011062304.html>

Липкин, А. И. 2007. Российская самодержавная система правления. *Полис* 3: 39–52.

Мень, А. 2004. *Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей*. М.: Фонд им. Александра Меня.

Общественное мнение – 2002 (по материалам исследований). М.: ВЦИОМ.

Панарин, А. С. 1995. *Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)*. М.: Институт философии РАН.

Тойнби, А. Дж. 1996. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура».

Флоровский, Г. 1991. Евразийский соблазн. *Новый мир* 1: 195–211.

Фонд «Общественное мнение»

1999. Интернет-ресурс. URL: <http://www.fom.ru/reports/frames/of19990501.html>

2005. Интернет-ресурс. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/frontier/international_relations/truck_West/russ_europe/d052317

Чаадаев, П. Я. 1989. *Сочинения*. М.: Правда.